The Armenian Center
for National and International Studies

Ռազմավարական եւ Ազգային Հետազոտությունների
Հայկական Կենտրոն

Армянский Центр Стратегических и
Национальных Исследований

МАНВЕЛ САРКИСЯН
старший эксперт Армянского Центра
Стратегических и Национальных Исследований

Народ или территория: международные оценки проблемы Нагорного Карабаха

15 декабря 2008 г.
г.Ереван

Мнения авторов публикаций не всегда совпадают с позицией АЦСНИ.

© 2008, Ռազմավարական եւ Ազգային Հետազոտությունների Հայկական Կենտրոն:
Հոդվածի կամ նրա առանձին հատվածների հրապարակումը առանց ՌԱՀՀԿ-ի գրավոր թույլտվության՝ արգելվում է:

© 2008, Армянский Центр Стратегических и Национальных Исследований.
Публикация статьи или отдельных ее частей без письменного разрешения АЦСНИ запрещена.

© 2008, Armenian Center for National and International Studies.
This publication may not be reproduced or published, in whole or in part, without the express written consent of the Center.

Народ или территория: международные оценки проблемы Нагорного Карабаха

Спустя четырнадцать лет после подписания в 1994 году соглашения о прекращении огня на линии соприкосновения войск в Нагорном Карабахе (НК) вновь актуализовался вопрос: в чем международный смыл проблемы Нагорного Карабаха? Может быть, такого вопроса и не было бы, если бы не вновь не актуализировался спор о правомочности Армении вести переговоры вместо Нагорного Карабаха. На сегодняшний день, именно полемика по данному вопросу держит общество в напряжении и формирует внутриполитическое противостояние в Армении.

На протяжении последних десяти лет не прекращаются обвинения в адрес президентов Армении в том, что они создали условия для подмены политической сути карабахского конфликта. Сопровождающие диалог президентов Армении и Азербайджана периодически выходящие международные резолюции с оценками об оккупации территории Азербайджана со стороны Армении, стимулируют новые волны таких обвинений. Высшее руководство Армении отвергает эти обвинения и не меняет свою позицию, продолжая переговоры в двустороннем формате.

В среде политических сил Армении существует один аргумент: выведение Нагорно-карабахской республики (НКР) из переговорного процесса стимулирует международные оценки карабахского конфликта в качестве территориального спора между Арменией и Азербайджаном. Такие оценки являются выражением попыток подмены сути политической проблемы народа НКР. Соответственно, в Армении многие считают, что возможность подмены сути проблемы является угрозой безопасности народа НКР. Однако, руководство Армении не считает, что отсутствие НКР в переговорном процессе содействует подмене международной сути проблемы Нагорного Карабаха. Более того, заявляется, что сохранение переговоров в плоскости взаимоотношений Армении и Азербайджана повышает международную значимость проблемы Нагорного Карабаха.

Атмосфера подобного разногласия внутри Армении периодически подогревает противоречия властей Армении с теми или иными политическими силами. Очередной накал страстей наблюдается и в настоящий момент. Подписав 2 ноября с.г. Московскую декларацию по Нагорному Карабаху без участия самой НКР, Серж Саркисян подвергся резкой критике. Такая критика обрела значительный смысл на фоне того, что развитие международных процессов вокруг проблемы Нагорного Карабаха явно происходит не в пользу НКР. Оппозиция обвиняет Сержа Саркисяна в содействии подобному изменению международной атмосферы по отношению к праву народа Нагорного Карабаха на самоопределение. Соответственно, уже более месяца команда последнего пытается принизить отрицательную роль этого обстоятельства. Однако, убедительности в ее аргументах недостаточно.

Международные оценки проблемы НКР, на протяжении последних десяти лет, действительно, меняются. И изменения эти носят серьезный характер. Еще в резолюции Евросоюза 1997 года по Нагорному Карабаху была дана вполне адекватная правовым и военно-политическим реалиям оценка причин конфликта и международной сути проблемы НК. В резолюции указывалось, что НК вместе с другими административными образованиями бывшего Советского союза в 1991 году объявила о своем суверенитете. То есть, проблема сводилась к статусу самоопределившегося субъекта. А предложенные

Евросоюзом рекомендации сводились к тому, что конфликт необходимо решить на основе уважения прав человека.

Однако, уже в 2005 году Парламентская Ассамблея Совета Европы приняла резолюцию (резолюция ПАСЕ № 1416 от 25 января 2005 г.), в которой некоторые пункты являются свидетельством того, что оценки международного сообщества эволюционировали не в пользу Нагорного Карабаха. Так, в данной резолюции использована формулировка об «оккупации значительной части территории Азербайджана». Более того, впервые в международных документах вводится формулировка «об азербайджанской общине Нагорного Карабаха» (особо надо отметить, что хотя последний термин связывается с деятельностью Минской группы ОБСЕ, в базовых документах этой дипломатической структуры такое понятие не зафиксировано).

Нашедшие место в резолюции ПАСЕ оценки, несомненно, стали выражением изменения отношения стран Европы к проблеме НК. Тем не менее, в резолюции все же говорится и о «контроле сепаратистских сил над нагорно-карабахским регионом». То есть, Нагорный Карабах (даже, в отрицательной характеристике) признается в качестве политического субъекта. Более того, по итогам принятия резолюции, ПАСЕ рекомендовала установить прямой диалог между руководством Азербайджана и Нагорным Карабахом. Отсутствие такого диалога было оценено в качестве ключевой причины отсутствия результата на переговорах.

Тенденция к полной переоценке сути нагорно-карабахского конфликта наметилась в последующие годы. В 14 марта 2008 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию «Положение на оккупированных территориях Азербайджана», где заявлено, что «ни одно государство не должно признавать законной ситуацию, сложившуюся в результате оккупации территорий Азербайджанской Республики, и не должно содействовать или способствовать сохранению этой ситуации». Более того, в резолюции подчеркивается необходимость «немедленного, полного и безоговорочного вывода всех армянских сил со всех оккупированных территорий Азербайджанской Республики». Можно отметить лишь то, что ведущие мировые державы не участвовали или отказались голосовать за данную резолюцию.

В любом случае, за десять последних лет оценки международной общественности претерпели качественное изменение. Суть проблемы НК, по преимуществу, свелась к территориальному спору с подчеркнутой оценкой того, что право на территории принадлежит Азербайджану. То обстоятельство, что указанные десять лет совпадают с периодом оттеснения Нагорного Карабаха из переговорного процесса, свидетельствуют о том, что оценки мирового сообщества отражают состояние дел в дипломатии урегулирования. Это очевидное обстоятельство никак не отражалось на позиции руководства Армении – никаких шагов по сдерживанию наметившихся тенденций за эти годы сделано не было.

Надо отметить, что развитие дипломатических процессов давало такие шансы. В частности, ПАСЕ, после принятий указанной выше резолюции создало уникальный шанс для НК и Армении в деле восстановления самостоятельной роли НК в международной дипломатии. В 2005 году сторонам конфликта было предложено организовать прямые переговоры между Азербайджаном и НК на уровне парламентских делегаций в Страсбурге. Это могло лишь означать, что НК снова мог быть признан отдельной стороной конфликта (формат предложенных встреч парламентариев сводил на нет отмеченный в резолюции фактор «азербайджанской общины НК»). Однако, Армения

ушла от такого предложения, пойдя по пути восстановления формата переговоров на уровне президентов Армении и Азербайджана.

Несомненно, благоприятный шанс был упущен. Вряд ли стоило отвергать такое предложение международной общественности. Мировые державы и без того в последние годы не скрывали намерение перевести суть проблемы НК от статуса к категории безопасности народа, а суть урегулирования – к вводу международного миротворческого контингента на высвобождаемые от армянских войск территории. Содействовать такому настрою было не целесообразно. Результат был однозначным: суть конфликта к нынешнему году окончательно свелась к территориальному спору. И вполне закономерно, что принятая 2 ноября 2008 года президентами России, Армении и Азербайджана Московская декларация стала лишь формальной базой для резкой подмены сути международной проблемы Нагорного Карабаха. Необходимо было лишь «согласие» Армении на двустороннюю схему конфликта.

Сделанное после принятия декларации каждое новое заявление международных посредников убеждает, что кроме проблемы территорий в конфликтной ситуации ничего иного не усматривается. Несомненно, в таком подходе отражаются и геополитические интересы – ситуация в мире и южно-кавказском регионе резко изменилась. Это обстоятельство не было учтено Арменией. Неслучайно, что власти Армении и НКР никаких внятных пояснений до сих пор не дают. Почему международное сообщество вдруг решило изменить постановку проблемы? Почему с таким упорством международными посредниками игнорируется фактор самостоятельности Нагорного Карабаха? И, наконец, почему наметилась спешка в деле урегулирования проблемы НК?

Нас должно, в первую очередь, интересовать: повысило ли угрозу физической безопасности народа НКР сложившееся положение дел? Об этом говорится много, но такое утверждение требует отдельного обоснования. От ответа на этот вопрос зависит характер последующих шагов Армении и НКР. В этом смысле, как кажется, для внесения ясности в поднятый вопрос, необходимо его переформулировать в следующем виде: может ли измениться характер международной политики в зависимости от того, в чем состоит объект заботы мировых держав в той, или иной конфликтной ситуации? То есть, может ли характер действий конфликтующих субъектов менять отношение влиятельных внешних сил к конфликтной ситуации?

Потеря роли субъекта – угроза безопасности народа

Мировой опыт показывает, что может. Политически грамотные субъекты действуют в унисон международным интересам. В противном случае, они превращаются в «камни преткновения». Можно утверждать, что все первые годы своей борьбы за независимость Нагорный Карабах действовал в унисон восходящим (прогрессивным) процессам мировой политики. Соответственно, начавшееся с какого-то момента целенаправленное лишение НКР роли политического и дипломатического субъекта является не таким уж безобидным делом. Это обстоятельство, как видно, не многие понимают до конца. Но история свидетельствует об ином. Об этом надо коротко поговорить.

Любой, специально интересующийся политической историей специалист, или просто политик может подтвердить следующую закономерность: добивающийся самостоятельного статуса народ какой-то территории должен приобрести политическую роль в международной политике. Потеря народом, по тем или иным причинам, самостоятельной роли, сводит его борьбу к спору за его территорию. То есть, в какой-то момент, политическая проблема народа выхолащивается и в глазах влиятельных

заинтересованных внешних сил сводится к проблеме заселенной им территории. Сам же народ становится объектом легитимизации чужих решений и, одновременно, «камнем преткновения» на пути стремлений спорящих центров. Вероятность посягательства на физическую безопасность народа резко повышается. В итоге, как показывает мировой опыт, потерявшие роль политического субъекта народы этих территорий зачастую становятся лишь жертвами войны за территории.

Наглядным примером из новейшей истории является судьба сербов Хорватии. В период отделения Хорватии от Сербии в 1993 году, провинция Крайна превратилась в сербский анклав в этом новом образовании. Сербы этой территории не пошли по пути формирования собственного фактора, а под крылом Сербии объявили несогласие Хорватии. Все предложения международного сообщества были отклонены – Крайна пожелала остаться составной частью Сербии. Результат был трагическим – население Крайны было депортировано. Никакого самостоятельного интереса фактор этого народа не представлял в мировой политике. Проблема была решена механически – территория без народа была отдана Хорватии.

Похожий трагический опыт имеет и армянский народ. Сейчас все чаще можно встретить мнения о том, что одной из причин резни армян в Турции в 1915 году было именно обстоятельство потери народом роли политического субъекта. Смысл этого мнения в том, что, в период развала Османской империи, в глазах западных держав армянское население от статуса борющегося за независимость народа перешло к статусу поддерживающего агрессию России против Турции контингента.

Результат был налицо – противники России безжалостно уничтожили этот народ. Огульно отрицать эту версию трудно – судьбы народов, в значительной степени, есть результат международной политики. Соответственно, приходится признать, что реальный политический статус борющегося за свои права народа является не только целью борьбы, но и гарантией его физической безопасности. Необходимо иметь самостоятельную политическую ценность.

Описанную выше логику международной политики, видимо, не плохо знали армянские политики первой волны. По крайней мере, можно утверждать, что острие всей дипломатии Армении и НКР изначально было направлено на решение одного вопроса: усиление самостоятельной роли НКР в качестве субъекта войны и дипломатии. Несомненно, в этом усматривались не только путь к успеху, но и гарантия безопасности народа НКР. По каким-то причинам, начиная с 1998 года руководство Армении проигнорировало данное обстоятельство и в некоторой степени, приучило общественность к собственному подходу. Но время не приказало долго ждать – атмосфера вокруг НКР приобретает не совсем радужные окраски. И причины этого слагались не за один день.

Подобная регрессивная эволюция международной значимости фактора НКР могла быть предотвращена. Базовые параметры для усиления самостоятельности НК были достаточно сильными. Знакомство с историей формирования международной ситуации вокруг НКР в период прекращения огня на линии соприкосновения между Азербайджаном и Нагорным Карабахом и по всей линии армяно-азербайджанской границы в 1994 году, доказывает, что роль НКР в формировании военно-политической ситуации в регионе тех дней непосредственно сказалась на международных оценках. Как ни пыталось западное сообщество подвести проблему НКР под бытующие стандарты, логика политического развития вынуждала всех считаться с теми реалиями, что фактор НКР игнорировать сложно.

В настоящее время целесообразно обратиться к ситуации 1994 года. Есть все основания для утверждения в том, что нынешняя международная ситуация вокруг проблемы Нагорного Карабаха напоминает ситуацию 1994 года. В первую очередь, как и тогда, на повестке дня стоял вопрос введения миротворческих войск в зону Нагорного Карабаха. И точно, как тогда – обострились отношения России и Запада на арене ОБСЕ. И сейчас кажется симптоматичным сделанное 12 декабря 2008 года американским сопредседателем Минской группы ОБСЕ Мэтью Брайзой заявление о том, что политическая декларация министров стран-членов ОБСЕ по вопросу Нагорного Карабаха (речь идет о предполагаемой 4 декабря в Хельсинки декларации) не была принята, в основном, вследствие противодействия со стороны России и из-за ее необоснованных требований.

Наверное, есть какие-то стойкие закономерности в международной политике периода ликвидации «холодной войны». Возможно, Нагорному Карабаху и сейчас придется оказаться в центре противостояния России и Запада по вопросу размещения миротворческих войск в зоне конфликта. В тот, прежний, период НК сумел заявить о себе как о самостоятельном субъекте, обеспечив, тем самым, для себя выгодные позиции в регионе и международной дипломатии. Однако в настоящий момент изменились многие параметры, как в регионе, так и в международной политике. Прежней осталась лишь конкретная проблема «военной хирургии» в конфликтной зоне. Возможно, обращение к событиям тех дней может внести много ясностей в ситуацию настоящего момента.

Прогрессивная эволюция и регресс: НКР, как субъект международной политики, сформировалась в 1994 году. С 1998 года по 2008 год у НКР была отобрана даже роль армянской общины Нагорного Карабаха.

Ликвидация Советского союза в 1991 году и начало масштабных военных действий между Азербайджаном и Нагорным Карабахом выдвинули проблему НК в разряд международных проблем. Отношение к фактору НК изначально было различное. Сформированная 24 марта 1992 года специально для урегулирования конфликта Минская группа СБСЕ изначально поставила формальные преграды на пути выхода Нагорного Карабаха на международную арену в качестве полноправного субъекта.

Избранные и другие представители НК были приглашены на переговоры в качестве заинтересованной стороны. В реальной своей работе, руководство Минской группы ввело понятие армянской и азербайджанской общин НК. Соответственно, путь на арену международной дипломатии НКР было предложено начать в статусе «заинтересованной стороны». НКР не признала такой статус и изначально затребовала для себя статус стороны конфликта. Хотя, надо сказать, что даже документально оформленный статус «заинтересованной стороны» также является свидетельством самостоятельной субъектности.

Минская группа не приняла требования НКР, но военно-политические процессы 1992-94 годов объективно поставили под сомнение всесильность этой международной дипломатической структуры. Судьба дипломатии урегулирования сложилась так, что кроме переговоров в рамках Минской группы СБСЕ по проблеме Нагорного Карабаха имели место и вполне результативные переговоры в иных форматах. Даже можно утверждать, что наиболее результативные переговоры происходили именно вне рамок Минской группы.

Важнейшим обстоятельством было то, что в отличие от СБСЕ, статус НК, как самостоятельной стороны конфликта, изначально признавала Россия. Возможно, это было специальным решением этой страны, позволившей ей периодически выхватывать дипломатическую инициативу у СБСЕ. В любом случае, данное обстоятельство сыграло значительную роль в развитии политических процессов тех дней.

В первую очередь, речь идет о дипломатии 1994 года вокруг проблемы прекращения огня и послевоенной дипломатии по укреплению режима перемирия. Примечательным с точки зрения данного исследования является то, что имевшие конкретный результат эти переговоры разных уровней имели трехстороннюю конфигурацию – Нагорный Карабах принимал в них участие в качестве самостоятельной стороны конфликта. Кроме того, сложившаяся в то время военно-политическая конфигурация конфликтной ситуации определила и характер последующей трансформации переговорных форматов.

Развитие хода военных и дипломатических процессов к концу 1993 года развивалось таким образом, что Минская группа СБСЕ потеряла свое влияние на ситуацию и была вытеснена Россией из дипломатии урегулирования. Вплоть до конца 1994 года «дипломатическим парадом» правила Россия. Она же выставила свои правила. В результате, в дипломатическом процессе по установлению режима перемирия прилагали свои усилия три стороны карабахского конфликта – Армения, НКР и Азербайджан.

Бишкекский протокол от 5 мая и Соглашение о прекращении огня от 12 мая 1994 года являются трехсторонними соглашениями, где официальные лица НКР имеют свои подписи. Эти соглашения определили формат последовавшей 17-18 мая в Москве встречи министров обороны Армении, Азербайджана и командующего Армии обороны НКР, а также, поствоенных трехсторонних Московских переговоров 1994 года. Последним и суждено было заложить все параметры послевоенной ситуации в Нагорном Карабахе, которые не претерпели изменения до сих пор.

Хотя военные поражения диктовали Азербайджану жесткие условия, России приходилось прибегать к различным уловкам в деле принуждения Азербайджана к серьезным политическим уступкам. Отсюда, наверное, и пошла инициатива по выведению переговоров между воюющими сторонами на уровень парламентариев. По инициативе МИД и Федерального собрания России, а также, Межпарламентской Ассамблеи СНГ, в Бишкеке 4-5 мая 1994 г. состоялась встреча парламентариев конфликтующих сторон. Делегации были укомплектованы на уровне руководителей парламентов Армении, Нагорного Карабаха и Азербайджана. НКР представлял тогдашний и.о. спикера НС НКР Карен Бабурян.

Азербайджана дал согласие на участие карабахцев во встрече в Бишкеке, но все время упорно пытался уравнять с ними члена своей делегации Н.Бахманова (в качестве представителя азербайджанской общины Нагорного Карабаха). Посредники не соглашались по той причине, что тот не представлял никакую парламентскую структуру. Таким образом, посредникам удалось изначально определить схему переговоров в трехстороннем формате.

Тогдашний президент Азербайджана Гейдар Алиев, конечно же, понимал, что готовится на голову его страны. Видимо, он не терял надежды на то, что войну можно будет остановить усилиями западного сообщества. 3 мая он вылетел на организованную со стороны НАТО в Брюсселе встречу «Партнерство ради мира». И это была не случайная поездка – президент Азербайджана связывал с ней большие надежды в деле срыва невыгодной для него российской инициативы. А что инициатива, действительно, была

невыгодной для Азербайджана, было видно уже из того, что спикер парламента России В.Шумейко однозначно высказался в том плане, что Нагорный Карабах, как и Армения, является стороной в этом конфликте и подчеркнул, что без понимания этого практически невозможно прийти к его урегулированию. Россия явно видела в таком подходе гарантию от вмешательства Минской группы в дипломатический процесс. Ведь НК никогда не променял бы трехсторонние переговоры на арену Минской группы СБСЕ. А ослабленному Азербайджану в одиночку трудно было что-либо изменить в начавшемся дипломатическом процессе.

Делегация Азербайджана тянула подписание соглашения столько, сколько это было возможным. В конце дня 5 мая «Бишкекский протокол» подписали руководители обеих армянских делегаций и все посредники. Не подписывал глава делегации Азербайджана. Ждали итогов визита Алиева в Брюссель. Но ожидания были напрасными. В воскресенье, 8 мая Г. Алиев в Баку собрал руководство Азербайджана. Надо было что-то делать – карабахские войска наступали на мозоли. В итоге, председатель парламента Р.Гулиев все же подписал протокол с двумя оговорками.

10 мая 12 политических партий Азербайджана выступили с заявлением, в котором осуждалось подписание протокола. В центре обвинений был тот факт, что подпись Р.Гулиева поставлена рядом с подписью К.Бабуряна. Но было поздно – череда трехсторонних переговоров продолжилась с молниеносной скоростью. Вместе с ней, вырисовывалась и характеристика складывающейся военно-политической и дипломатической политической ситуации.

Соглашение состоялось, но успешная для карабахцев война продолжалась и диктовала свои условия. Что положение руководства Азербайджана было тяжелым, сомневаться не приходится. Г. Алиев по факсу выслал спикеру парламента НКР К. Бабуряну письмо, где признался, что НКР является стороной конфликта. Иного выхода не было – готовилось соглашение руководителей оборонных ведомств, с которым связывались надежды на остановку войны.

Российский посредник и главный дирижер «политики умиротворения» тех дней В.Казимиров утверждает в своих воспоминаниях, что в Баку им сначала был подготовлен документ для подписания министром обороны АР и командующим армией обороны Нагорного Карабаха. Но Г.Алиев упорно предлагал подключить Армению, и в итоге, Армения все же пошла на подписание соглашения. К 12 мая 1994 г., министр обороны Азербайджана Мамедрафи Мамедов, тогдашний министр обороны Армении Серж Саркисян и тогдашний командующий армией Нагорного Карабаха Самвел Бабаян подписали текст соглашения (раздельно – идентичность текста была сверена по факсу). Дальше, пошло время более конкретных соглашений – военно-технических.

17 мая 1994 года в Москве при посредничестве тогдашнего министра обороны России Павла Грачева была организована встреча высших военных руководителей Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха. Именно на этих переговорах впервые был предложен российский план урегулирования. По нему, 18 мая должно было быть обеспечено полное прекращение огня, а к 24 мая на линии соприкосновения должны были быть сформированы посты наблюдения (предполагалось, что их займут представители России, Азербайджана, Армении, Карабаха, а возможно, и СБСЕ). Руководителем на каждом из 49 постов должен был стать российский офицер. Кроме того, в зону конфликта предполагалось ввести около 1800 российских миротворцев. Разъединительные силы, размещаемые вдоль линии фронта, получали право открывать огонь в целях «самообороны».

Азербайджан сильно сопротивлялся этому плану в связи с неоднозначным отношением к перспективе введения российских войск в зону конфликта. Протокол в первый день подписали Павел Грачев, Серж Саркисян и командующий карабахской армией Самвел Бабаян. Министр обороны Азербайджана Мамедрафи Мамедов, не подписав документ, вылетел в Баку для консультации. После экстренной сессии милли-меджлиса Азербайджана и визита в Баку В.Казимирова, министр обороны Азербайджана вылетел в Москву и дал свое согласие.

Естественно, что условия соглашения Гейдар Алиев счел «позорными». Условия и не могли быть иными. Надежды Азербайджана на Запад в этот период не оправдали себя. Это потом, в последующий период, роль Запада резко выросла. Во многом, это стало результатом именно характера описываемого соглашения. Факт наличия предварительного согласия военных на размещение миротворческих войск под российским командованием заложил специфические основы под последующие трехсторонние переговоры по вопросу выработки текста «Большого политического соглашения».

Понятно, что соглашение военных должно было перевести дипломатический процесс в политическую сферу. При том, вывести, с четко очерченными обязательствами. Согласие на ввод миротворческих войск было в кармане России. Ею к тому времени были обговорены и вопросы с международным мандатом. Осталось только прийти к политическому соглашению. Здесь Азербайджан ждали серьезные испытания. Вырабатывать текст политического соглашения тоже пришлось делать в трехстороннем формате. По иному, с Азербайджаном никто и не говорил бы – слишком многое уже было упущено, и слишком много документов было подписано в трехстороннем формате.

Проблема нашла свое разрешение. Стороны приняли условие Азербайджана, предполагающее закрытые переговоры под маркой «консультации экспертов». На таких условиях. Азербайджан согласился на трехсторонний формат. Делегации были укомплектованы под руководством замминистров иностранных дел Армении и Азербайджана и советника министра иностранных дел НКР. Делегацией Армении руководил Эдуард Зулоян, а Азербайджана – Тофик Зульфугаров, бессменный переговорщик от Азербайджана на всех переговорах по НК. Настрой азербайджанской и карабахской делегаций был вполне воинственным. Делегация Армении предпочитала больше быть наблюдателем. Поскольку карабахскую делегацию довелось представлять мне, то могу утверждать, что никто изначально так просто не собирался подписывать документ – всем было понятно, что настоящая политика начинается именно с этого момента.

Война была остановлена, и ценность уже представляла последующая поствоенная ситуация. Минская группа СБСЕ была полностью оттеснена от участия в переговорах, но пристально следила за тем, что происходит в Москве. Россия ревностно отстаивала судьбу своего плана по будущему военному контролю в зоне конфликта. Стороны конфликта туманно представляли себе гипотетический результат предстоящей работы. Сам предложенный проект текста "Большого Политического Соглашения" по своей концепции выходил далеко за рамки задач по укреплению режима прекращения огня.

Открылась большая перспектива для реальных переговоров между сторонами конфликта за кулисами официальных переговоров. Реалии таковы, что именно эти закулисные переговоры и решили судьбу последующего военно-политического контроля в конфликтной зоне. Спустя четыре месяца, план России остался нереализованным. А с

обидой прервавшая переговоры в конце ноября 1994 года Россия перенесла свои усилия на арену СБСЕ.

Политический смысл итогов принятых в этот период соглашений, а также, послевоенных переговоров был значительным. Реальным результатом этих длительных переговоров стал сохраняющийся до сих пор и обеспечиваемый усилиями вооруженных сил конфликтующих сторон режим военного-политического контроля. Длящийся четыре месяца (август-ноябрь 1994 г.) процесс составления текста «Большого Политического Соглашения» сопровождался такой жесткой политической полемикой, что о самом тексте часто забывалось. О военно-технических проблемах иногда забывалось. Вопрос тогда уперся в дилемму: быть или не быть миротворческому контингенту в зоне конфликта.

Специфика ситуации состояла в том, что за сохранение режима перемирия без привлечения внешних сил, кроме Азербайджана, выступала карабахская делегация. Правда, обе стороны вынуждены были проводить двойную дипломатию – одну за столом переговоров, другую, за кулисами. Стороны были скованными обязывающим обстоятельством – предварительным согласием министров обороны на ввод миротворцев. С учетом того обстоятельства, что по вопросу размещения миротворцев Армения и Азербайджан имели различные позиции, фактически, именно позиция НКР оказала решающее влияние на ход дипломатии.

Надо отметить, что отношение к вопросу о целесообразности размещения миротворцев в то время было неоднозначным. Не всеми тогда понималась важность такой схемы поддержания перемирия в послевоенный период. Синдром страха за возобновление боевых действий склонял многих к схеме контроля с привлечением миротворцев. Очень осторожным был даже сопротивляющийся этому, но проигравший войну, Азербайджан. В Нагорном Карабахе тоже были противоположные мнения. Но, со временем, победила позиция о недопустимости привлечения войск на линию соприкосновения.

Несколько раундов переговоров проходили под печатью резкой конфронтации СБСЕ и России. У этой организации не было желания допускать российских миротворцев в зону Нагорного Карабаха, что и было причиной ее активизации. Делегации сторон конфликта внимательно следили за этой конфронтацией, внося коррективы в свои позиции. Иногда бывали и самостоятельные консультации с представителями СБСЕ. Представители последней быстро поняли, что имеют на арене переговоров своих союзников в лице сторон конфликта.

В итоге, они резко активизировались и начали давать нелестные публичные оценки проходящим в Москве переговорам. Один из представителей СБСЕ даже получил доступ на одно из заседаний. Стороны не давали согласия ни на один из тринадцати вариантов текста соглашения. Ситуация выходила из-под контроля России, что в итоге привело к срыву переговоров в конце года, а также, к возникновению жесткой полемики между Россией и руководством СБСЕ уже на арене декабрьского 1994 года саммита СБСЕ.

***

Военная фаза карабахской истории перешла в фазу «холодной войны». И хотя все ключевые события этого периода были решены не на переговорах в рамках Минской группы СБСЕ, а на переговорах под российским посредничеством, фактор СБСЕ сыграл важную роль. Роль эта свелась к тому, что она помогла сторонам конфликта избежать размещения российских войск в зоне конфликта. То есть, не переговоры по тексту

политического соглашения, а реальная политика всех вовлеченных субъектов свершила судьбу поствоенной схемы контроля в Нагорном Карабахе.

Последующие годы перемирия доказали преимущества отсутствия в зоне конфликта внешних сил. По крайней мере, в условиях отсутствия внешних сил, стороны конфликта получили максимальную степень свободы для развития своей государственности, в частности, армий. А политический мир получил уникальный пример замороженного конфликта без прямого внешнего участия.

Издержками СБСЕ было ее вынужденное превращение в ОБСЕ – организацию с миротворческими функциями. Правда, Россия сумела трансформировать председательство этой группы – создать институт сопредседателей. Но Минская группа ОБСЕ от того только выиграла. Как показали последующие события, за годы она стала мощным механизмом геополитического влияния в регионе Южного Кавказа. А «подарком» от новорожденной ОБСЕ Нагорному Карабаху было январское 1995 года письмо Действующего председателя ОБСЕ с признанием того факта, что Нагорный Карабах является самостоятельной стороной конфликта. Не справедливо лишь то, что ОБСЕ быстро забыла Нагорный Карабах – но в этом, не только ее вина.

Фактически, из навязанной в 1992 году Нагорному Карабаху роли «заинтересованной стороны» к 1994 году он дошел до роли субъекта самостоятельной политики и дипломатии. Тем самым, международная суть проблемы НК свелась к проблеме определения статуса. В позициях ключевых международных инстанций эта проблема определяется (надеемся, что изменений пока нет) по формуле «будущий статус НК должен определиться на основе переговоров всех сторон в рамках Минской группы ОБСЕ».

В 2008 году все больше началось говориться о территориальной сущности карабахского конфликта. Возникла угроза вымывания проблемы статуса НК из мировой политики. Наметилось желание представить проблему таким образом, что существует проблема обеспечения безопасности народа на спорной территории.

Что осталось неизменным в новых условиях, это видимое несогласие России и Запада касательно будущего военного контроля в конфликтной зоне. Можно надеяться на то, что не изменились и позиции Азербайджана и Нагорного Карабаха.

Манвел Саркисян
старший эксперт Армянского Центра
Стратегических и Национальных Исследований